

Адолф Арицишевский

МАТЕРИНСКАЯ ПЕСНЯ

Можно относиться к жизни так, будто чудес в ней не бывает, а можно воспринимать ее, словно вся жизнь – это чудо. И хотя судьба едва ли была столь уж ласкова к Асем Айнакуловой, и многое, очень многое приходилось брать в жизни с боем, но оптимизм в душе Асем неистребим. Да, чтобы люди приняли песню, ты должна растревожить свою душу до слез, но пусть это будут слезы радости, любви и предполетного восторга.

Она несет в себе загадку, что осеняет женщину после рождения ребенка. Она несет ее трепетно, бережно, как величайшую драгоценность, дарованную природой. Она вслушивается в дыхание сына, осторожно вглядывается в потаенную жизнь, что скрывается в глубине его бездонных глаз, темных, как ночь в канун новолуния. Материнским сердцем, сверхчутким, как электронный барометр, она предугадывала его грядущие радости и печали. Ведь жизнь, она знала это по себе, как маятник, взлеты и падения неизбежны. И ее материнское сердце уже сейчас, уже загодя готово было взять его печали на себя, хотя и понимала, что ношу жизни человека, как бы он ни был тебе дорог и близок, передать другому невозможно, в ней и счастье, и мука, мы лишь можем сочувствовать ему и согреть его озябшее от перенагрузок сердце своим сочувствием и толикой тепла.

А сынуля Арнур загадочно смотрел в ее лицо и чуть слышно гулил, пытаясь выразить то, что не всегда доступно слову. Да и не было у него пока что слов, ему еще предстоит их расслышать, распознать, приноровиться к ним, чтобы осваивать с их помощью все многозвучие жизни. И все они: Адиль, его папуля, Асем и ее мама Улжан ревниво следили и вслушивались, как он гулит, пытаясь услышать в его камлании первое слово. Что он скажет попервоначалу? «Па-па», «ма-ма», «ба-ба», «дя-дя», как будто в том начальном слово был заключен особый смысл. Что бы он ни произнес, оно наполнит их ликованием, как первая весенняя гроза.

А он возьми да и скажи: «Гак-ку».

Нет, но сами-то они, и не задумываясь даже, то и дело проговаривали или напевали это неизбежное в их жизни «Гакку». У Асем, быть может, это самое первое воспоминание из детства. Она лишь почувствовала под ногами твердь и потопала на своих еще раскачивающихся ножках за околицу аула, в цветущие майские луга. И, утонув в разнотравье, тихо окликнула степь: «Гаку!» Ах, как чудно пела эту песню мама! Ее голос взмывал в поднебесье, он был легок, как гряда облаков на рассвете, звонок и чист, как родниковая вода.

Асем и сейчас, когда они поют дуэтом, поражает мамино пение. В нем столько света, что даже грусть, коли она заложена в песне, обретает нотки неизбежной радости. У самой Асем голос чуть ниже, в нем чудится едва уловимая хрипотца – от затаившихся в сердце и еще не выявленных в полной мере страстей. А мамин голос несет в себе первородство, предельную чистоту и незамутненность мира, каким его явил нам Аллах в дни сотворения.

Уже тогда, в глубоком детстве, Асем почувствовала себя артисткой. Уже тогда на своих покачивающихся детских ножках она была жизнерадостной крепышкой, пышкой. И когда к ним приходили гости, или сами они с мамой в гости шли, она любила сделать шаг вперед и громогласно объявить:

– Выступает артистка-солистка Асем Айнакулова.

А потом следовало чарующее в своей наивности «Гакку», а следом непременно танец. Мама, будучи артисткой (причем заслуженной) областной филармонии, однажды взяла ее с собой на концерт. Мама исполняла таджикскую песню, а маленькая Асем самозабвенно танцевала под эту песню, ничуть не тушуясь на зрителе, напротив чувствуя восторг и вдохновение.

Асем мечтала стать балериной. Или гимнасткой. Но для этого надо быть тонкой в кости. А она была основательной, крепенькой, и стало ясно, что с балетом ей взаимопонимания не найти. Но петь... Не петь она просто не могла.

В первый класс она пошла в ауле Карасай (теперь он называется Сары би), но уже во второй четверти перекочевала в школу-интернат Алматы, где пробыла 9 лет.

Ей легко давалась математика, в русле точных наук намечались магистральные направления в ее жизни. Она и поступила-то после школы в политехнический университет. Но... Она не могла не петь. К тому же преподавателем музыки и пения у них в школе-интернате была Агайша Исагулова. О-о, в мире музыки, в мире вокала она была, можно сказать, человек номер один. Она преподавала в Женском педагогическом университете, у нее училась и Улжан, мама Асем. Агайша была профессиональным музыкантом, виртуозно играла на баяне. Она одна из организаторов и участниц вокально-инструментального ансамбля «Айгуль», она была душой студенческого оперного театра «Онер-жастан» и выпестовала здесь когорту знаменитых певцов. Ее ученица меццо-сопрано Дина Хамзина, прима нашего театра им. Абая, ведущие оперные театры Европы приглашают ее петь Кармен и Азучену в «Трубадуре». Агайша, кстати, дважды завоевывала звание «Лучший учитель музыки». Уроки музыки у Агайши Исагуловой были для Асем уроками счастья. Она, затаив дыхание, слушала, как Агайша поет «Бул-бул»: то было и впрямь соловьиное пенье, Агайшу природа одарила роскошным колоратурным сопрано. И девчонки в их классе старались все – все-все! – петь как поет Агайша.

Вообще, на хороших учителей-наставников Асем везло. Мама поначалу была категорически против певческой карьеры дочери и настояла на том, чтобы дочь поступила в Политех на факультет автоматики и систем управления. Но здесь ректором в то время оказался Досым Сулеев, в недавнем прошлом участник ансамбля «Дос-Мукасан», и пристрастие его студентки Асем Айнакуловой к пению нашло в ректоре полное понимание и поддержку. Правда, после университета она примерно с год старательно и безуспешно осваивала свою профессию. Но душа ее томилась жадной петь.

Однажды ей приснился вещий сон. Будто Мадина Ералиева – да упокоится ее душа в лучшем из миров! – вручила ей кобыз. Да, да, сама Мадина – знаменитое сопрано, педагог, профессор. Там, во сне, Асем оробела от подобной чести. Она бережно держала в руках подаренный бесценный кобыз, не зная, как быть. Потому как у этого кобыза было не две, а три струны. А главное – струны были унизаны жемчугом.

Сон дочери поверг маму в раздумья. А потом она, как некогда в детстве, взяла дочь за руку и отвела ее к Ермеку Ельгезекову – певцу, аранжировщику, композитору.

– Вот тебе моя дочь, – сказала мама. – Она хочет петь. Дальше все в твоих руках.

Он долго вслушивался в пение Асем. Не сразу, не вдруг он отыскал мелодию, слова, в которых раскроется голос Асем в его неповторимой стати. И появилась песня, написанная специально для нее. Одна, вторая, третья. Для начала она выступила в одном концерте с мамой. Чтобы прийти к собственному сольному концерту, нужен свой оригинальный репертуар, а на это уйдут годы и годы. Это понимал и Ермек Ельгизеков, это понимала и Асем. И пока шло накопление сил, она два года работала в ансамбле «Гульдер».

Жизнь их с мамой не очень-то баловала. Мама, было дело, получила от обфлармонии однокомнатную квартиру. Со временем квартира стала тесновата. Мама продала однокомнатную – аж за 4 тысячи долларов. Добавила к этой сумме свои скромные сбережения. Нацелились на двухкомнатную... Но цены на жилье взлетели до небес. И остались они с мамой без крыши над головой. Лет одиннадцать пробыли в таком вот подвешенном состоянии. Такие испытания бесследно не проходят. Асем не по годам повзрослела.

И вот в 2012-м что-то сдвинулось с места. Нашлись люди, которые поверили в талант Асем, помогли раскрутиться, появился солидный заработок. И земляки помогли, добавив недостающую сумму. И наконец-то появилась у них крыша над головой. Да, скромное, всего-то-навсего двухкомнатное жилье, но – свое. Кто не пережил подобное, тот не поймет. А кому пришлось скитаться по чужим углам, тому ничего объяснять не надо.

В том же году она дала сольный концерт во Дворце студентов. Ей хотелось, чтобы зритель понял, что она не только дочь заслуженной артистки Улжан Айнаукуловой. Хотелось показать, на что она сама способна как певица.

Сейчас, осмысляя минувшее горячее десятилетие, она поражается, насколько жизнь бывает целеустремленной и понуждает человека двигаться от одной цели к другой. В начале Асем отстояла свое право петь. Потом решила нелегкий квартирный вопрос. Попутно сумела дать сольный концерт. Записала диск, там их дуэты с мамой и ее, Асем, сольное пение. То есть жизнь пошагово выстраивала ее судьбу.

И, наверное, пришла пора решить одну из главных проблем в жизни женщины.

Со своим будущим мужем Асем познакомилась, как она говорит, «на просторах Интернета». Она никогда не верила в такие виртуальные знакомства, на них у нее попросту не было времени. Случайно увидела в Инернете фото вполне себе нормального мужчину в обнимку с крокодилом. Любителя крокодилов звали Адиль. Полушутя вышла с ним на контакт. Человек оказался не без юмора, очень деликатный. Интеллектуал. Это не могло не подкупить. Общались с ним по электронке с полгода. Разобрались и с крокодилом. Оказалось, что это макет. Адиль был в США, в штате Джорджия, и сфотографировался в обнимку с макетом. Несколько раз пытались встретиться, но как-то все не получалось. Она даже на концерт его приглашала, оставила на его имя в кассе пригласительный билет. («А он, гад такой, не смог прийти».)

Однажды все-таки встретились. И с первой же минуту возникло ощущение, что они знают друг друга сто лет. Он был до этого женат, но уже в разводе, там была пятилетняя дочь, с которой он регулярно встречался. И вдруг оказалось, что можно дружить не только по Интернету. Трудности, конечно, были. Все же встретились два одиночества уже в зрелом возрасте. Он даже пытался вернуться к старой семье, но выяснилось, что там все уже исчерпано до дна. А здесь... Здесь было нечто неисчерпаемое.

Я слушал осторожную исповедь «женщины, которая поет». Был, был такой фильм. Студенткой, вопреки трудностям освоения сопромата и прочих премудростей, она не могла одолеть в себе желание петь то самое, с детства звучавшее «Гакку». Потом пробивалась к эстраде, окончила музыкальный факультет Женского педагогического университета. И по-прежнему пела «Гакку». Есть ли разница в исполнении этой песни на заре туманной юности и нынче, когда девочка стала профессиональной певицей, стала зрелым человеком?

– Конечно. И разница огромная. Материнство производит в душе женщины тектонические подвижки. Я стала другим человеком. Теперь все видишь через иную призму. То, что воспринималось раньше катастрофическим, теперь кажется сущим недоразумением. И поешь теперь совсем иначе, в песне появляется глубина. Скажу больше: песни, которые ты исполняешь, влияют и на жизнь твою, и на судьбу. Я стараюсь петь то, что дышит надеждой, излучает свет. Песня, которую ты спела, программирует твою судьбу.

